

СЛОЖНОСТИ РОДСТВА, ИЛИ КАК ОБСУЖДАЮТ СЕМЕЙНЫЕ ТРАГЕДИИ В АНОНИМНОМ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВЕ

Анна Николаевна Алтухова

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
aaltukhova@eu.spb.ru

Аннотация: Статья посвящена тому, как в публичном пространстве могут осмысляться родственные связи и проблемы в семейных отношениях, связанные с распределением заботы, внимания и ответственности людей друг за друга. Она основана на материалах бурятского онлайн-сообщества «Аноним 03» — паблика в социальной сети «ВКонтакте», участники которого ежедневно обсуждают свои семейные драмы и получают в ответ как слова поддержки, так и немало грубостей и оскорблений. Заинтересовавшись, почему некоторые люди готовы буквально «выносить сор из избы», а другие охотно в этом участвовать, автор пытается не только выяснить, в каких терминах сегодня определяются отношения между разными людьми, связанными родственными узами, но и разгадать механизмы, которые по мнению членов сообщества определяют жизнь семейного человека. Наблюдение над историями и комментариями к ним позволяет проследить круговорот так называемых субстанций родства (по Шэрон Хатчинсон) и одновременно циркуляцию аффектов (как это предлагает сделать Сара Ахмед), чтобы увидеть, какие новые «объекты» и нормы рождаются в ходе обсуждения. Несмотря на то что дискуссии в «Аноним 03» нередко напоминают остросюжетное телешоу с демонстрацией «грязных» деталей быта из чужих-то квартир, автор убежден, что это не развлекательный контент для сотен тысяч читателей, а поле для ожесточенных диспутов, где люди пытаются противостоять хрупкости и ненадежности родственных отношений.

Ключевые слова: семья, родство, мораль, эмоции, онлайн-сообщество, Бурятия.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Фонда социальных исследований «Хамовники» «Поддержание здоровья и благополучия в Бурятии и Иркутской области: поле альтернативных терапевтических услуг и юрисдикция специалистов» и гранта РФФИ № 20-09-00063А «Инвалидность как социокультурный феномен».

Для ссылок: Алтухова А. Сложности родства, или Как обсуждают семейные трагедии в анонимном онлайн-сообществе // Антропологический форум. 2023. № 57. С. 11–39.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-57-11-39

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/057/altukhova.pdf>

THE TROUBLESOME KINSHIP, OR, HOW ARE FAMILY TRAGEDIES DISCUSSED IN AN ANONYMOUS ONLINE COMMUNITY

Anna Altukhova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
aaltukhova@eu.spb.ru

Abstract: This paper focuses on public debates about kinship and family ties in the online group “Anonim 03”—the Buryat online community on the social network “VKontakte”. It explores why some people want to “air their dirty laundry”, telling strangers stories about intimate details of their family lives and breakdowns of mutual care, and why others willingly participate in these discussions. This article attempts to trace not only the terms in which connections between different people of kin are defined today, but also to unravel the mechanisms and global principles that, according to the participants of this community, dictate the life of a person who has a family. Observing only the presentation of family in the anonymous stories, this article argues that it is nevertheless possible to trace the circulation of the so-called “substances of kinship” according to Sharon Hutchinson—and simultaneously the circulation of affects, as Sarah Ahmed suggests—to see what new objects are born out of this discussion. Although debates in “Anonim 03” often resemble a TV show where participants try to hurt each other, I want to argue that these debates are a much more serious process than just entertainment. I suggest that they constitute a space for ethical reasoning and fixing moral norms of kinship relations, if for a very short period.

Keywords: family, kinship, morality, emotions, online community, boomerang, Buryatia.

Acknowledgments: The study was supported by the Khamovniki Social Research Foundation, the grant “Maintaining Health and Well-Being in Buryatia and the Irkutsk Region: The Field of Alternative Therapeutic Services and the Jurisdiction of Specialists” and RFBR grant no. 20-09-00063A “Disability as a Sociocultural Phenomenon”.

To cite: Altukhova A., ‘Slozhnosti rodstva, ili Kak obsuzhdayut semeinye tragedii v anonimnom onlayn-soobshchestve’ [The Troublesome Kinship, or, How Are Family Tragedies Discussed in an Anonymous Online Community], *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 57, pp. 11–39.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-57-11-39

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/057/altukhova.pdf>

Анна Алтухова

Сложности родства, или Как обсуждают семейные трагедии в анонимном онлайн-сообществе

Статья посвящена тому, как в публичном пространстве могут осмысляться родственные связи и проблемы в семейных отношениях, связанные с распределением заботы, внимания и ответственности людей друг за друга. Она основана на материалах бурятского онлайн-сообщества «Аноним 03» — публика в социальной сети «ВКонтакте», участники которого ежедневно обсуждают свои семейные драмы и получают в ответ как слова поддержки, так и немало грубостей и оскорблений. Заинтересовавшись, почему некоторые люди готовы буквально «выносить сор из избы», а другие охотно в этом участвовать, автор пытается не только выяснить, в каких терминах сегодня определяются отношения между разными людьми, связанными родственными узами, но и разгадать механизмы, которые по мнению членов сообщества определяют жизнь семейного человека. Наблюдение над историями и комментариями к ним позволяет проследить круговорот так называемых субстанций родства (по Шэрон Хатчинсон) и одновременно циркуляцию аффектов (как это предлагает сделать Сара Ахмед), чтобы увидеть, какие новые «объекты» и нормы рождаются в ходе обсуждения. Несмотря на то что дискуссии в «Аноним 03» нередко напоминают остросюжетное телешоу с демонстрацией «грязных» деталей быта из чьих-то квартир, автор убежден, что это не развлекательный контент для сотен тысяч читателей, а поле для ожесточенных диспутов, где люди пытаются противостоять хрупкости и ненадежности родственных отношений.

Ключевые слова: семья, родство, мораль, эмоции, онлайн-сообщество, Бурятия.

Введение

Как-то раз, просматривая одно из главных онлайн-сообществ Бурятии в «ВКонтакте» «Аноним 03»¹, я натолкнулась на анонимный пост, в котором женщина описывала историю «разрушения» своей семьи (пятнадцать лет брака) из-за свекрови. Предупредив читателей, что история длинная, она перечислила некоторые вехи своих отношений: поженились сразу после школы, сбережений не было, свекровь, продав свою квартиру, переехала в деревню и помогла с первым взносом по ипотеке, но в ответ требовала помощи на сельском участке и учила жизни. Недавно у свекрови отказали ноги из-за диабета, и в это же время у нее выявили рак кишечника. «Бабка слегла», — заключила автор и перешла к рассказу о том, как они с мужем разбирались, кто и как должен о свекрови заботиться. Муж настаивал на том, что его мать нужно перевести в их квартиру в город. Автор была убеждена, что ухаживать за ней можно и в селе, наняв сиделку.

Анна Николаевна Алтухова
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
aaltukhova@eu.spb.ru

¹ Одно из самых популярных интернет-сообществ в Бурятии, у которого более 390 тыс. подписчиков. Число «03» в названии отсылает к коду Бурятии как субъекта РФ: <https://vk.com/anonim_03u>.

Муж привез ее домой, несмотря на мои протесты. Я к ней не подхожу, сиделка днем, вечером — иди муж, твоя мать. Тот кричит — это же женщина, как я женщину подмывать пойду. В таком аду я живу полгода. Вчера стала искать втайне от мужа интернаты для таких больных, по прогнозам свекрови с ее болячками осталось год-два. Муж увидел историю поисков на компе, устроил скандал. Сказал, подаст на развод, раздел имущества. Мне сказал, что квартиру на материнские деньги покупали, и моих денег нет ни копейки. Мне дал 2 дня уехать с вещами. Сын решил остаться с отцом. Вот так разрушилась моя семья. Хотя я всего лишь хочу облегчить жизнь себе и своим близким¹.

Читатели паблика отреагировали на этот пост стремительно: в тот же день под ним появилось больше сотни комментариев, а за следующие несколько суток еще примерно столько же. Большинство яростно осуждало женщину, не скупясь на оскорбления, и желало ей самой закончить дни в интернате для престарелых. Сообщения были примерно такого содержания:

А: *Что за пизд#и, ой не могу больно одиноко смотри там не помри (10)²*

М: *Ну ты и мр...ь. Молодец муж, таких надо сразу гнать поганой метлой и еще за долго до рождения детей (282)*

Т: *Бумеранг он есть, тебе такая-же невестка попадет. (21)*

Однако комментариями дело не ограничилось. Затронув, судя по всему, болезную тему, этот пост спровоцировал волну последующих публикаций, в которых другие женщины рассказывали о том, как они поступали в схожих ситуациях, когда забота о ком-то из пожилых родственников оборачивалась семейными ссорами и грозила изменить привычную жизнь. Готовность людей делиться, хоть и анонимно, откровенными историями о личных драмах и неизбежно получать в ответ сотни комментариев как со словами поддержки, так и с грубыми оскорблениями, удивляла и завораживала, и я стала пристально наблюдать за этим пабликом.

Ежедневно в сообществе публикуется до 35 записей: в среднем по одному посту с восьми утра до часу ночи каждые полчаса, хотя в некоторые дни их может быть меньше. Согласно опубликованным правилам, отбор в паблике есть, однако многие посты из тех, что я просмотрела, не соответствуют заявленным требованиям, поэтому, по всей видимости, он нестрогий. Редактуру записи однозначно не проходят и публикуются исклю-

¹ Здесь и далее посты и комментарии приведены в том виде, в каком они были опубликованы, все особенности орфографии и пунктуации сохранены. Все имена комментаторов сокращены до первой буквы.

² В круглых скобках я указываю число лайков, которые другие пользователи поставили комментарию.

чительно анонимно, тогда как комментарии к ним люди оставляют под своими именами, как предполагает устройство социальной сети. Среднее число просмотров одного поста — 14–25 тыс., но некоторые записи набирают до 70–100 тыс. Число комментариев к ним также сильно разнится: под одними разворачиваются треды до 200 сообщений, на другие отвечают всего несколько человек.

Примерно треть постов, публикуемых в сообществе ежедневно, начинается со слов «крик души», «нужно выговориться, сил нет» или «здравствуйте, нужен совет»¹. Большинство авторов — женщины, однако посты мужчин тоже встречаются. Среди комментаторов примерное равное количество женщин и мужчин, но это соотношение варьируется в зависимости от темы конкретной публикации. Во всех постах типа «крик души» обсуждается примерно один круг сюжетов: измены, разводы, бытовое насилие, алкоголизм кого-то из членов семьи, невыплаченные алименты, проблемы с детьми от первых браков. Обладая своей спецификой, каждая их этих историй ставит вопрос о том, что такое родственные чувства, кто и к кому обязан их испытывать и кто должен понести наказание за случившуюся трагедию.

Как утверждает Сара Ахмед, публичные дискуссии порождают феномен, который она называет «обыденным субъектом». Это такая фантазия о том, каким должен быть человек, к которой говорящие испытывают стойкую привязанность, граничащую с любовью, и которая способна вызывать ненависть и другие сильные аффекты² в отношении тех, кто старается эту фантазию разрушить или подвергнуть сомнению [Ahmed 2004: 43]. Я полагаю, что на страницах публика «Аноним 03» можно увидеть столкновение разных версий «обыденного субъекта», разных притягательных фантазий, что и провоцирует появление такого количества аффектов. В статье очерчиваются контуры этих субъектов, но эта картография занимает меня не столько ради того, чтобы понять, в каких терминах определяются отношения между разными людьми, связанными родственными узами, сколько ради того, чтобы увидеть и разгадать *механизмы*, которые, по мнению участников сообщества, скрываются за родственными драмами и определяют жизнь семейного человека. Иначе говоря, меня интересует, как в обсуждение семейных конфликтов и фантазий об «обыденности» или «естественности»

¹ Остальные посвящены проблемам на дорогах, благоустройству, городским происшествиям, обсуждению работы местных властей и «спецоперации».

² В данном случае меня не интересуют тонкости различениях аналитических терминов «чувства» и «эмоции». Следуя за Сарой Ахмед, я принимаю во внимание, что те и другие, циркулируя, заставляя людей чувствовать нечто определенным образом и занимать некоторые позиции [Ahmed 2004: 6].

оказывается вплетена идея справедливости, и то, каким образом специфика онлайн-пространства может влиять на это.

Для анализа я отобрала 50 постов¹, сплошняком просматривая стену сообщества с ноября 2021 по май 2022 г. и выбирая те из них, в которых люди наиболее оживленно обсуждали тяготы родственных отношений.

Аффективная экономика родственных чувств

Ответ женщине, которая прожила с мужем 15 лет и заболела свекровь. Второй день читаю группу, никто не заступился за нее. Ужас! Все такие праведные, святые. Свою старость дождись и тп. Где же вы все, нелюбимые невестки??? Вы бы стали за своей свекрухой ухаживать? Подмывать ее, кормить? Я бы за своей никогда!!! Сколько эта сука мне крови выпила, я бы не прикоснулась к ней!

Встречая подобные тексты, я удивлялась: чего пытаются добиться люди, прочитывая десятки, если не сотни комментариев к посту и затем выступая с собственным мнением? Чего хотят сами авторы анонимных постов, обращаясь к широкой публике и вопрошая, что им делать дальше, кто из родственников виноват и кто они теперь друг другу? С некоторой долей условности можно сказать, что посты, собравшие по двести комментариев на тему, каков долг сына перед пожилой больной матерью или кто из супругов имеет большее моральное право на алименты, представляют собой «сцены для моральных диспутов», как это назвала Вина Дас [Das 2015], где и сталкиваются друг с другом сторонники разных «обыденных субъектов»². При этом мы, как читатели, зачастую наблюдаем эти сцены без возможности понять, на какой опыт опираются их участники³. За редким исключением (всего три случая в моих материалах) авторы не проявляются после публикации своей истории и все читатели публика, включая исследователя, имеют дело только с тем, что попало в исходный пост⁴.

---

¹ Что составляет примерно 550 тыс. знаков с пробелами, учитывая сами посты и комментарии к ним.

² Дас также использует термин «обыденный» (*ordinary*), однако совсем в другом значении, нежели Ахмед. Для Дас обыденность отсылает прежде всего к ежедневным действиям, которые позволяют людям противостоять насилию [Das 2015: 55], Ахмед, изучающую дискурсы, интересуют не действия, а публично циркулирующие фантазии людей о том, какой обыденность должна быть. Я использую термин «обыденность», следуя логике Ахмед.

³ Просматривая публик, я встретила лишь несколько повторяющихся имен среди комментаторов. Поэтому приходится иметь дело с одиночными высказываниями совершенно неизвестных мне людей.

⁴ Три раза авторы через незначительное время после публикации первого поста делали отдельные анонимные посты с разъяснением своей позиции и с дополнительными деталями, которыми интересовались комментаторы. Во всех остальных случаях было невозможно определить, приходил ли автор под свой же пост с комментариями или нет.

На странице сообщества проблемы родственников предстают перед зрителями застывшими, как в стоп-кадре. Например, пожилая дама сразу после выхода из больницы, где она только что оправилась от инсульта, жалуется, что за это время сын украл у нее все деньги и продал ее квартиру: «Вот как так? Плачу и плачу, жить не хочу, очень больно, сердце рвется на части...» Женщина, от которой ушел муж, оставив ее на съемной квартире с тремя младенцами и без алиментов, пишет: «Да, я должна быть сильной. Но я так устала». Или мужчина рассказывает, что бывшая жена собирается лишить его родительских прав на дочь, после того как он стал «инвалидом», а финансовый поток алиментов иссяк: «Бамам вечно мало — квартиру машину оставил, ребенок в золоте, а как денежная река высохла — так сразу плохой отец». Родство, будучи многолетним процессом выстраивания отношений, оказывается втиснуто в одну-две тысячи знаков — эмоциональную компиляцию, призванную показать, кто здесь выступает в качестве морального камертона, а кто нарушил все возможные нормы. Семейные драмы в их кульминационных моментах становятся здесь предметом каждодневного, почти рутинного публичного разбирательства. И наблюдая за логикой его развития, можно увидеть, как постепенно сдвигаются тектонические плиты культурных представлений [Das 2015: 82], причем таких, которые касаются как собственно родства и его принципов, так и норм публичного обсуждения столь интимных моментов. В статье я буду держать во внимании оба этих аспекта.

Разбираясь с устройством этих сцен, я буду опираться на рассуждения коллег о том, как вообще устроена публичная коммуникация в постсоветской России и какие трансформации она претерпевает в последние десятилетия [Лернер 2011; Lerner, Zbenovich 2013]. Мне также не обойтись без работ, описывающих специфику современной российской онлайн-среды [Касаткина 2017; Дорофеева 2018; Чернышева, Гизатуллина 2021]. Я исхожу из того, что онлайн-коммуникация не просто представляет собой еще одну площадку для обсуждения родства (и чего бы то ни было еще), но и в какой-то мере продуцирует его новые принципы [Verend 2016; Andreassen 2017]. В то же время она определяет исследовательские ограничения: анализируя представления о родстве и не имея прямого доступа к авторам постов и комментариев, нужно понять, на что опираться при интерпретации их текстов.

Так, мне не проникнуть в интимные переживания людей, как это делает, например, Джессака Лейнавивер, работающая в каком-то смысле с весьма схожим материалом — позициями родственников, чьи отношения раскалены до предела обоюдными направленными обвинениями в «неблагодарности» и недоста-

точности заботы [Leinaweaver 2013]. Однако, несмотря на разницу наших материалов, мне кажется плодотворной ее идея увидеть за «благодарностью» и «неблагодарностью» напряжение, возникающее из-за того, что родственники ждут чего-то друг от друга и не получают «обещанного»: не совпадающие ожидания вследствие экономического неравенства, проникшего во внутрисемейные отношения и в неравную мере коснувшегося разных поколений жителей Анд. Эту линию интерпретаций можно заострить, обратившись к концепции Шэрон Хатчинсон о субстанциях родства [Hutchinson 2000]. Так «благодарность» сможет обрести (материальный) эквивалент или форму — деньги, эмоции, продукты, вещи, телесные субстанции, которые движутся или перестают двигаться внутри семьи, согласно разным поколенческим ожиданиям, равно как и гендерным чаяниям отдельных родственников¹.

Помимо текущей «благодарности» или «неблагодарности», в наблюдаемом мною материале есть еще одно измерение, которое выводит возможные причины семейных напряжений далеко за пределы переживаемого здесь и сейчас социального неравенства. Хотя Лейनावивер замечает, что человек, решая проявить заботу о ком-то из родственников, всегда опирается на прошлое и задумывается о будущем, эта особая темпоральность не играет особой роли в ее тексте. Мне же видится, что именно она может быть ключом к разгадке и причин семейных напряжений, и той интенсивности чувств, которые проявляют пользователи в сети, обсуждая их. Внимание к темпоральному измерению, вшитому в семейные отношения, я перенимаю у антропологов родства Лотты Майнерт и Лоны Грэн². Они предложили идею межпоколенческой контагиозности, или *заселенности призраками прошлого* [Meinert, Grøn 2020]. То, как они понимают межпоколенческую цепочку передач разнообразных вещей внутри одной семьи, позволяет также расширить видение циркулирующих субстанций родства, предложенных Хатчинсон: они фиксируют перемещение аффектов, социальных установок, семейной истории, в конце концов.

В то же время предложенная Майнерт и Грэн идея зараженности родственными связями, от которых людям непросто избавиться, во многом устремлена в прошлое, с которым нужно

---

¹ Обращаясь к российскому материалу, уместно вспомнить о социологической рамке, которая учитывает, что советский «гендерный контракт» больше недействителен и гендерные роли могут вызывать множество вопросов (см., например: [Чернова 2011]). Однако сама эта рамка явно не объясняет все тонкости отношений, которые я наблюдала.

² Их концепция вырастает из попытки по-новому взглянуть на процессуальность родства, с которой работали многие антропологи, пытавшиеся создать динамические описания семейных отношений, например авторы сборника “Cultures of Relatedness” [Carsten 2000].

разобраться (недаром — *призраки*). Материал, с которым работаю я, скорее обращен в будущее, а точнее желаемое и буквально программируемое будущее: «Одумайся пока не поздно!!!» — пишет пользовательница И; «С таким по[д]ходом к жизни старость адом покажется», — предупреждает Я; «В будущем не придется за матерью ухаживать, карма сработает», — замечает Д. Связь, или *relatedness*¹, с разнообразными людьми под вывеской «семейных отношений» оказывается проблемной для людей, оставляющих посты и комментарии в «Аноним 03», в связи не только с ныне живущими родственниками разных поколений и разнообразными бывшими, но и с будущими и лишь потенциальными членами семьи. Если ныне существующие связи *уже* не достигли некоего идеала или «нормальности», то будущие грозят обратиться несчастьем, которое *еще* можно предотвратить. Эта двоякая устремленность — рефлексивная назад и проекционная вперед — составляет, как я покажу далее, основной нерв всех появляющихся в паблике историй и комментариев к ним. Но сначала я сфокусируюсь на том, кто попадает в число родственников и по каким причинам у людей, обсуждающих семейные трагедии, возникают с ними сложности.

Свой чужой родственник

Родство по крови грубо и прочно, родство по избранию — тонко. Где тонко, там и рвется.

М. Цветаева «О любви (из дневника)»

Разговор о сложных и зачастую мучительных родственных связях я хочу начать с темы, которой открыла эту статью, — с заботы о больных и пожилых людях, нуждающихся в уходе. Я уже отмечала, что пост про свекровь, которая «разрушила жизнь» анонимного автора, вызвал в паблике «Аноним 03» бурную реакцию. Вслед за ним на стене сообщества стали появляться новые посты с обсуждением той же темы — всего восемь анонимных ответных публикаций. Все они были примерно об одном: что делать с родственником, который мало того что требует интенсивного ухода, так еще и с недавнего времени оказался в одной с автором квартире. Вот одна из публикаций, по сравнению с другими весьма сдержанная.

Так произошло, что у моей мамы случился инсульт с парализацией, вся в трубках ни глотать, ни дышать самостоятельно не может. Увидев ее была у ужасе, ухаживать не умею, я с медициной на «вы». Забрали домой. <...> государство не помогает,

¹ *Relatedness*, в отличие от «родства», по замыслу Карстен [Carsten 2013: 249], должна сделать еще один шаг в сторону отказа от противопоставления «биологического» и «социального», предпринятого ранее другими исследователями (см., например: [Strathern 1992; 2011]).

только одни отчеты и затягивание опеки... Но мама дома, да тяжело, но я понимаю, если бы это даже свекровь была, мне было бы ее жалко... а если не близкие люди, то кто нам поможет? <...>

Е: Ну вы сравнили маму и свекровь. (4)

Н: Е, разные отношения бывают. Родная мама может быть чужим человеком, а свекровь, как мама. Ну или просто хорошие отношения со свекровью. <...> (8)

АН: Е, моя свекровь (как и ее сын) мне 14 лет НИЧЕМ НЕ ПОМОГАЛИ). Любимый внук от старшей дочери Самый-Самый. Мой бывший муж погиб в 2018 году, его мама позвонила мне и сообщила об этом. Через год забрали ее к себе, старший внук (от любимой дочери) «помогает только звонками раз в неделю». А мой сын (которому Ничем не помогли за 14 лет) выносит за бабушкой... @вно <...> (2)

Дилемма, имеет ли право один человек помещать другого в интернет, насколько это по-человечески или, наоборот, безобразно, звучала во всех девяти обсуждениях, но часто меркла на фоне дискуссий о том, влияет ли на это решение (и на чувства вообще) кровное родство или нет. Далее в этом разделе я буду разбирать разнообразные локальные теории родства, чьи сторонники схлестываются друг с другом в комментариях под разными постами. В этом примере пользователь Е очевидно считает, что разница есть. Н, как и автор поста, настаивает на том, что важны только отношения, а не кровь. АН приводит в пример свою историю с большим количеством действующих персонажей, чтобы продемонстрировать, во-первых, несправедливость возложенных на нее и ее сына обязанностей, а во-вторых, несоразмерность усилий, которые она предпринимает по сравнению с теми, кто, казалось бы, должен быть теснее связан с больной женщиной. Даже этот короткий фрагмент обсуждения показывает, что основания для родства и родственных чувств люди, участвующие в онлайн-беседах, подразумевают разные. Однако миролюбивый тон этого послания и отсутствие конфликта в фабуле привели к тому, что обсуждение, несмотря на разницу позиций участников, довольно быстро иссякло¹. Совсем иная ситуация возникла, когда родственный конфликт был обозначен в истории острее.

В одном из постов женщина решила поделиться историей о ссоре между ней, ее мужем, первой женой мужа и его ребенком от первого брака². Рассказ начинался так: «Я замужем

---

¹ Всего 35 комментариев. Для сравнения, под первым постом про свекровь их было 178.

² Эта история собрала 164 комментария.

за детным мужиком. Наличие дочки меня особо не напрягает», — и продолжался подробностями о том, что ребенок до нынешнего момента не доставлял автору никаких проблем. Следом она поясняла для читателей имущественный вопрос: именно на ее деньги была куплена квартира, в которой они живут с мужем сейчас. После всех этих деталей автор перешла к сути дела: не так давно ее пожилую маму парализовало, и она перевезла ее к себе. Конфликт случился, когда автор отлучилась из квартиры: муж попросил пришедшую в гости дочку-подростка от первого брака поменять лежачей женщине памперс, а та рассказала об этом своей матери.

И из-за этого бывшая устроила истерику. Теперь она запрещает дочке приходить к нам, чтобы не заставляли ухаживать за чужой теткой. Муж настаивает на том, чтобы я маму перевезла в ее квартиру или в дом престарелых, ибо из-за моей мамы он не может видеться с дочерью. А я думаю, не охренели ли они все — муж и его бывшая семейка? Почему я в угоду его дочке должна отказаться от своей матери?

Как определить круг лиц, который затронут этой ситуацией за живое? Сами герои как будто хотят разорвать отношения и снять с себя обязательства, которые накладывают на них родственные чувства. «Чужая тетка» и «детный мужик» — это формулировки, проводящие сущностные границы между людьми, они делают «родство» невозможным (ср. попытки разорвать семейные «заразные» (*contagious*) или «токсичные» связи: [Куан 2020]¹). Но если у Терезы Куан границы — это то, что позволяет детям отделиться от родителей в ходе психотерапевтической «хирургии», то здесь новые границы отношений требуют буквально передела пространства, которое раньше занимала одна «семья». Когда-то общий «дом» становится «территорией»², на которую кто-то имеет большее право и хочет определять, кто на ней должен жить. Право это, по мнению комментаторов, скорее определяется «кровью» и вложенными в квартиру деньгами, нежели социальными договоренностями.

АБ: Мужей может быть несколько, А мама одна! (285)

Н: <...> Муж ваш — какашка. А если бы речь шла о его маме, как бы говорил? Задайте ему этот вопрос. И, лучше уходите конечно. Не дай Бог, с вами чтонибудь случится, он вас тут же в интернат сдаст и разведется. (153)

¹ Статья была опубликована в подборке в специальном номере журнала “Ethnos” с вышеупомянутым вводным текстом Майнерт и Грён [Meinert, Grøn 2020].

² «[С]тавьте условие: с дочкой ваш муж встречается на нейтральной территории. И дочке хорошо, и бывшей жене спокойнее, и вам никто ничего не предьявит» (198).

А: что баба с ребенком что мужик с ребенком — с такими лучше жизнь не связывать (34)

АШ: Пусть валит к себе на дачу! Полудурок и видется с дочерью. (80)

Почему жители Бурятии обсуждают дележ «территорий» так остро, понять можно. Республика тяжело и долго переживала развал Советского Союза: закрылись важнейшие предприятия, выросла безработица, увеличилось употребление алкоголя и наркотических веществ, смертность превысила рождаемость, оказалась разрушена советская социальная инфраструктура [Хамфри 2010: 287]. По разнообразным статистическим данным, республика и сейчас находится в тяжелом положении [Смолянинов 2019]. Кроме этого, Бурятия столкнулась с всплеском сельской миграции, которая продолжается до сих пор, и одновременно со стремительной урбанизацией за счет фактически неконтролируемого разрастания частного сектора вокруг Улан-Удэ — переезда родственников в одну квартиру или один дом [Manzanova 2007; Карбаинов 2017]. На этом фоне обладание «своей территорией» — важный компонент социально-экономического благополучия¹. Это то пространство, где в действительности проводятся границы *relatedness*, это самая заряженная субстанция родства², наподобие пистолетов, которыми обмениваются сильно изменившиеся с момента приезда к ним Эванса Причарда нуэры [Hutchinson 2000].

Как я уже отметила, при обсуждении раздела «территорий» отношения по крови для части авторов паблика имеют неоспоримую ценность: только они, с одной стороны, гарантируют надежность, а с другой — требуют от человека максимальной определенности собственной моральной позиции. Забота о кровном родственнике оказывается тем единственным, что не может быть предметом обсуждения, она утверждается как очевидная константа: «Выбрав маму, никогда не пожалеете», — пишет Д. В основе таких отношений лежат представления о равноценном и неоспоримом обмене между людьми, имеющими кровную связь: старший родственник (чаще всего мама) отдавал всего себя заботе об авторе в его или ее детстве, теперь сам автор должен без колебаний поступить так же. «Да я скорее сама сдохну, чем ее в приют сдать!!!» (48) — пишет пользователь Г, комментируя подобный пост о возникшем вдрут

---

¹ Впрочем, тема для российского контекста не так нова, как может показаться. Стивен Харрис убедительно демонстрирует, что квартиры становились поводом для моральных разборок начиная с хрущевского времени, однако тогда основная моральная вина за несправедливость возлагалась на государство [Harris 2005].

² Деньги, в них вложенные, не менее заряжены и «прилипчивы» (*sticky*) к определенным родственникам, если пользоваться термином Майнерт и Грэн [Meinert, Grøn 2020: 2].

выборе между родственниками и выражая в предельной форме тот императив любви и благодарности своим родителям, который пытаются сформулировать в этом паблике многие¹.

Для тех авторов, кто придерживается этой позиции, любое социальное родство, прежде всего брак, крайне сомнительная и непостоянная вещь. Муж или жена по определению потенциальный предатель, поскольку между ним или ней и говорящим нет того комплекса любви, долга и благодарности, который присущ родству по крови. Это пытаются доказать, например, пользователь Н (выше), да и многие другие комментаторы и авторы нескольких постов, чьи истории закончились разводом и разделом имущества. Особенно сильные опасения брак как форма отношений внушает комментаторам, когда один из супругов имеет социальные обязательства перед другими людьми. Собственно, сама потенция иметь эти обязательства «на стороне» и делает брак такой ненадежной, опасной структурой. Вот что, к примеру, пишет в анонимном посте одна женщина.

Должны ли мы брать на дачу детей от первого брака мужа? Уточню, что его только один ребенок, еще двое от других мужчин. Про родного еще могу понять, хотя желанием особым не горю, а те двое совсем чужие. По-честному жалко и своего времени, и денег на продукты, попробуй прокормить такую ораву. <...> но бывшая настаивает, что внимание должно доставаться всем одинаково, что шашлык хотят все дети.

В центре этой истории — повседневная ситуация, которая ставит серьезный вопрос о том, имеет ли автор поста какие-то обязательства перед «совсем чужими» детьми и, следовательно, имеют ли эти дети право на шашлыки и прочие субстанции родства. Несмотря на простоту самой истории, сложность определения *relatedness* достигает здесь невиданных высот. Маленькая нуклеарная семья обнаруживает свою принципиальную открытость: через одного супруга она может существовать в нестабильных и непроясненных отношениях с самыми разными людьми, которые претендуют на и без того, как хочет показать автор, скудные ресурсы. Женщина пытается понять, как прекратить родство, которое она даже не начинала: в ее логике у человека нет никаких само собой разумеющихся обязательств перед «прошлой» семьей супруга, как и никакого «долга» ей помогать или брать в расчет ее интересы. Тем более

¹ Соотношение любви, благодарности и долга и обещание заботы (которое преподносится как результат первых трех) не так просты и однозначны, как может показаться, на что советует обратить внимание Джессака Лейнавевер. Употребляя эти слова, люди могут вкладывать в них разную степень «заработанности» или «естественности» [Leinaweaver 2013: 572].

никто не может быть принужден испытывать какие-либо чувства к «чужим» людям.

Однако, с одной стороны, «бывшая» делает родство предметом переговоров и обсуждения, т.е. в каком-то смысле достигаемым¹, а с другой — комментаторы коллективными усилиями расширяют эту уверенность. Одни напоминают о браке как о тотальном контракте, другие пытаются утвердить хотя бы идею возможной связи с «чужими» людьми в качестве заботы о собственном будущем. Так, комментатор ОМ напомнила автору, что, соглашаясь на замужество, она должна была понимать, что получит весь комплект. Н и М предложили подумать о том, что забота о детях сегодня принесет пользу потом: парни вырастут, не забудут доброты и будут помогать на той же даче. В ответ на это О нарисовал другую картину грядущего, где все эти сыновья рассорятся и будут ожесточено «пилить папашино наследство», поэтому переживать и печься о них сегодня глупо.

Таким образом, несмотря на то что автор исходного поста довольно определенно высказывает свою позицию, публичное обсуждение неизбежно создает полифоничность и обнажает невероятное многообразие субстанций, которые люди готовы подсчитывать, размышляя о родстве.

ТР: У нас, у бурят не принято оставлять родителей, не важно невестка или дочь, сын или зять.

Е: ТР, это я знаю что не принято. Но жизненные ситуации складывающиеся годами иногда заставляют даже бурят не выполнять своих обязательств. Свекровь ведь 20–30 лет назад не задумывалась о том что она будет лежа умирать. И не подумала о том кто будет за ней ухаживать. И любила только сына, а невестку нет. А невестка все эти годы копила обиды, и накопила столько что не может перешагнуть и начать ухаживать за свекровью. (3)

СС: <...> вы хоть думаете о чем пишете? Почему это свекровь должна уважение, и любовь проявлять? Она свою любовь показала уже тогда, когда квартиру продала, а сама в старый дом переехала. (1)

В этом фрагменте обсуждения отчетливо проявляется еще один тип аргументации и вместе с ним еще один тип «обыденного субъекта». Е (как и О выше) предлагает вести бухгалтерию чувств, как правило неприятных. Подсчет таких аффектов, о чем говорит ее комментарий, может вестись годами и оказаться весомее финансовых вкладов в благополучие семьи в вопросах

---

¹ О переговорном характере родства рассуждает Дэниел Миллер, разбираясь с условиями, на основе которых люди строят отношения [Miller 2007: 548–549].

проведения границ родства. Размышляя о том, почему родственные связи не работают так, как некоторым хотелось бы, Е замечает, что «даже буряты» оказываются под властью обстоятельств более сильных, нежели этнические ценности. Апелляция к этническим принципам организации семьи встретила в отобранных материалах всего четыре раза, что немало меня удивило, поскольку я ожидала большей частотности. Исследователи этого региона последние тридцать лет фиксируют прицельную политику местной Сангхи, шаманских организаций и других акторов, направленную на консолидацию этнического населения и «рост этнического самосознания», хотя и расходятся во мнении относительно того, в какой мере этот процесс затрагивает повседневную жизнь бурят [Гарри 2014а; Szmyt 2017]. Работая исключительно с материалами публика «Аноним 03», я не могу однозначно оценить этнический состав его участников и сделать на этом основании сколько-нибудь серьезные выводы, но невозможно не заметить, что концепция «бурятскости» как одного из столпов, на котором держатся «традиционные ценности брака», в этом сообществе непопулярна.

В то же время трудно не обратить внимания, что половина историй «крик души» рассказана теми, кто прошел становление в постсоветской России, о тех, кому пришлось состариться после развала СССР. Это старшее поколение, с одной стороны, не смогло позаботиться о своем финансовом благополучии во время происходивших в стране социально-экономических пертурбаций, а с другой — как видится части комментаторов, оно незнакомо с новыми эмоциональными императивами заботы о чувствах других¹. Буквально выходит так, что разрушение одной экономической системы в масштабах страны постепенно породило специфические обыденные «моральные экономики заботы» на локальном уровне² и проявило разницу в имеющих цену субстанциях родства. Для кого-то это все еще квартира и вложенные в нее деньги, а для других — собственные эмоции и потраченное время. Ежедневное и непримиримое столкновение в одном онлайн-пространстве самых разных людей делает видимыми те самые локальные теории родства: «естественность» и желанность одних отношений проступает на фоне других, вызывающих ненависть и отторжение. Так, в ходе обсуждений выкристаллизовываются версии «обыденных субъектов», которые со схожим остервенением ценят «кровь»,

¹ В этой риторике можно увидеть влияние процессов психотерапевтизации российского общества [Matza 2014; Salmenniemi, Voropa 2014], во всяком случае каких-то определенных его слоев, как минимум более молодых.

² В этом пункте я безусловно соглашаюсь с Джессакой Лейнавивер: мои материалы лишь подтверждают ее тезис о взаимосвязи «неблагодарности» и переживаемого социального неравенства, вызванного экономическими переменами в стране [Leinawever 2013: 561, 569–570].

собственную выгоду, традиции или «ментальное здоровье». Дальше я покажу, как участники сообщества пытаются убедить других в своей правоте.

Думать о будущем

«Совість моя будет чиста и смерть моя будет мгновенной», — эту фразу написала в своем анонимном посте женщина, ухаживающая за матерью мужа. В отличие от многих авторов в этом сообществе, женщина посчитала так: несмотря на то что свекровь много лет проявляла по отношению к ней одно только недовольство, а в последнее время стала красть деньги у собственных внуков, она, как невестка, не только не может перекладывать эту ответственность на кого-то еще, но и не хочет этого делать. Она уверена, что забота о пожилой и немощной родственнице принесет ей спокойную «совість» и легкую смерть в будущем.

Такая логика встретила мне не единожды. Например, она регулярно появлялась в дебатах по поводу другой темы, затрагивающей комментаторов за живое, — воспитания детей с инвалидностью. Исходные посты такого рода довольно однотипны: матери, столкнувшиеся с инвалидностью ребенка, «рыдая», просили онлайн-сообщество рассудить, имеют ли они право не испытывать материнских чувств к такому ребенку / оставить его в роддоме / отдать в детский дом¹. Комментаторы, условно разделившиеся на две партии, либо говорили, что понимают тяжесть воспитания «инвалида» и не осуждают женщину, либо призывали ее подумать о последствиях: «[К]аждый день будете про него вспоминать, ни есть, ни пить не сможете», — писала пользовательница Е; «Это Ваше решение, но всю жизнь с этой страшной болью жить придется», — красочно предупреждала Л².

Когда речь шла о заботе о старших родственниках, угроза эмоциональных страданий, которые повлечет за собой «неправильный» выбор, отходила на второй план. Более весомым аргументом оказывалась не (только) «совість», а собственная спокойная старость³.

---

¹ Авторы таких постов замечали, что не могут поговорить об этом с близкими родственниками и мужчинами, от которых родился ребенок.

² Подобная аргументация, проектирующая некоторое возможное будущее, ужасное и пугающее, — часто используемый дискурсивный инструмент в этом сообществе (ср. с легитимацией за счет обращения к гипотетическому: [Reyes 2011]). Однако анализ риторических приемов, к которым люди прибегают для аргументации собственной позиции, не мой исследовательский фокус: меня интересует содержание высказываний, а не их форма.

³ Элементы этих надежд можно заметить в приведенных выше фрагментах.

Ю: Как мы относимся к нашим родителям так наши дети будут относиться к нам. Я вас понимаю это тяжело и обидно. Ее Бог уже наказал. А у вас все хорошо. Простите ее. И помогите по мере возможности. За то ваша совесть будет чиста перед собой и вашими родными. (193)

С: Муж на 100 % прав, вы нет. Готовьтесь, ваша невестка к вам также относится будет. А больно и одиноко вам будет, когда также в старости больная лежать будете, <...> вы не только невестке, но и сыну не нужны будете, он видел и запомнил ваше отношение к бабушке. (148)

Б: Автор, чем ты лучше ее, пусть к тебе такое же отношение будет. Чтоб тебе никто стакан воды не принес в старости. Красиво трындишь Трынделка (2)

А: <...> А вас ждет такая участь, что никто к вам не подойдет. БУМЕРАНГ НИКТО НЕ ОТМЕНЯЕТ. ТЕРПЕТЬ ТАКИХ ИДИОТОВ НЕ МОГУ

Подобные комментаторы советуют вне зависимости от сложившейся ситуации включать всех родственников, поколение за поколением, и кровных, и по свойству, в цикл заботы, поскольку в старости им самим нужен будет кто-то, на кого можно опереться. Судя по всему, люди, рассуждающие таким образом, воображают, что их положение через 30–40 лет может оказаться точно таким же, в каком оказались их старшие родственники сегодня. Поэтому, вместо того чтобы ориентироваться на прошлое, эта группа комментаторов предлагает заглянуть далеко вперед — в туманное будущее, которое можно сделать более предсказуемым, повлияв на него своими действиями сейчас.

Антрополог Клара Хэн в одной из своих статей показывает, как чилийские семьи стараются укоренять в реальности некое желаемое будущее за счет родственных и соседских связей [Нап 2011]. Логика ее информантов экономически вполне рациональна: заботясь друг о друге, люди рассчитывают на буквальную помощь в скором будущем и взаимные «кредиты». В паблике «Аноним 03» некоторые люди возлагают надежды на куда менее конкретные вещи: о старших родственниках нужно заботиться, чтобы своим примером показать детям¹, как себя вести в будущем. Другие считают, что это крайне долгосрочное планирование в условиях стабильной неопределенности: «[Б]лин капец, вот дети реально лотерейный билет. Сколько бы не вложил не факт что окупится». Работа надежды и воображения в действии, как можно было бы сказать вслед за антропологом морали

¹ Если вспомнить историю про «шашлык», то станет ясно, что надежда может распространяться далеко за пределы «кровного» родства.

Шерил Мэтингли [Mattingly 2006]. Для тех, кому эта перспектива непонятна или кто не хочет с ней соглашаться, у ее сторонников есть еще один весомый аргумент — «бумеранг».

Е: Бумеранг. Вашему мужу все воздастся. Мужики слабые пошли. Сразу в кусты, как трудности. Многие привыкли к праздному образу жизни. Жизнь пройти не поле перейти. (6)

И: Просто как вы поступаете, это ужас. Все вернется бумерангом. И еще сюда написали. (2)

Б: Бумеранг если точнее это «карма» а она работает безошибочно. Но если есть заслуги и вы такой хороший, то незначит что вас всевышний услышит и сразу поможет. Карма срабатывает хоть через секунду, хоть через 300 лет в другом воплощении. Просто старайтесь очищать ее. Видео на ютубе есть.

Как пишет антрополог Тереза Куан, родство — это то, что заставляет даже людей из «демистифицированных западных стран» видеть нерациональные причинности между событиями [Куан 2017: 34]¹. Вот и здесь некая нечеловеческая сила обещает покарать тех, кто нарушит семейные обязательства и бросит родственников на произвол судьбы. В роли «бумеранга» или его синонима иногда выступает «Бог», который безошибочно карает и наказывает тех, кого положено. Условно схожим образом в комментариях работает и «карма». Иногда в принципе невозможно определить, разводят ли участники паблика эти понятия и насколько им важна подоплека, стоящая за религиозными терминами. Так, в третьей реплике соединены все три имени этой неземной силы (бумеранг-карма-всевышний). Рекомендации прибегнуть к помощи конкретных религиозных институций в этом сообществе довольно редки: я встретила всего семь советов сходить в церковь, три предложения заглянуть к ламам, один человек вспомнил о шаманах, несколько раз возникло обсуждение бабок и гадалок. Иначе говоря, в качестве высшей силы «бумеранг» выступает в паблике куда чаще, чем все остальные возможные ее представители, и это удивительно сразу по двум причинам.

С одной стороны, это идет вразрез с тем, что замечают исследователи современной Бурятии. По какой-то причине в паблике почти нет прямых отсылок к определенным авторитетам, вопреки постулируемому «духовному» возрождению, агентами которого называются традиционная Сангха России [Гарри 2014б: 338–342; Amogolonova 2014; Ионутите 2020] и шаманские организации [Quijada et al. 2015]. С другой стороны, если посмот-

¹ В этой статье Куан разбирает случаи, когда люди, столкнувшиеся с внезапной смертью близкого родственника, винят во всем себя вне зависимости от реальных обстоятельств.

реть на типологически схожие паблики в сети «ВКонтакте»¹, то станет очевидно, что «бумеранг» в анонимных постах в «Аноним 03» встречается в несколько раз чаще² и приобретает порой весьма кроважидные формы. Вот, к примеру, что пишет женщина, от которой ушел муж и завел новую семью.

Через некоторое время я узнала, что его супруга умерла и он остался с двумя детьми один. Конечно я не радовалась, но не скрою чувство удовлетворения у меня было. Так что бумеранг есть. И кстати все эти годы мы с ним судимся, то из за алиментов, то вдруг хочет видиться с детьми.

Апелляция к карающей в будущем высшей силе может быть рассмотрена как дискурсивный способ аргументации собственной правоты [Lidström 2020]³, равно как и создание картин благополучного грядущего. Помимо эмоциональных высказываний об умственных способностях оппонентов, а также суждений относительно их «морального уродства», эти риторические приемы — главные инструменты, которые участники сообщества используют, чтобы убедить других изменить свое мнение. Неправильное поведение как будто можно скорректировать, сделав отсылку к воображаемому будущему, показав цену совершенного неправильно выбора и спровоцировав желаемый аффект — страх. В следующем разделе я покажу, как такое производство аффектов оказывается определено формой общения в онлайн-сообществе.

«Мы можем только высказать свое мнение»

Среди просмотренных мною постов был один, который выделялся на фоне остальных невиданной популярностью. Пожилая мать жаловалась на сына, который снял все деньги с ее карточки, не навещал ее в больнице и в конце концов продал ее квартиру, в результате чего она, пережив инсульт, была вынуждена обратиться за помощью к подруге и жить за ее счет. Пост собрал больше тысячи лайков, сто перепостов, 254 комментария. Один из них привлек мое внимание: «Напишите в ЛС, постараемся помочь. Программа “За Гранью” на “НТВ”» (8).

¹ Например, «ПОЗОР» (более 4,5 млн подписчиков), где люди точно так же могут на условиях анонимности публиковать личные истории и получать в ответ комментарии: <<https://vk.com/stydr.pozor>>.

² Я говорю только о текстах самих анонимных постов, не касаясь комментариев к ним. Если в «ПОЗОРЕ» «бумеранг» упоминается раз или два в месяц в исходных постах, то в «Аноним 03» — четыре-семь раз в месяц. Более того, здесь регулярно появляются цепочки публикаций, в которых люди прицельно обсуждают явление «бумеранга» и его влияние на их жизнь.

³ Однако, как я уже замечала, меня интересует не только форма, но и то, почему люди придают родству, точнее нарушению родственных обязательств, такое значение. Иначе говоря, почему вообще родственные связи нужно защищать идеей карающего бумеранга.

Программа «За гранью»¹ в целом близка к жанру других передач, транслируемых на российском телевидении, где взволнованная общественность разбирает чью-то личную историю: «Говорим и показываем», «Пусть говорят», «Мужское / женское». Однако в отличие от «скандального» «Пусть говорят» или популярных телешоу, воспроизводящих ситуацию судебного разбирательства [Lerner, Zbenovich 2013], в ток-шоу «За гранью» все не так прямолинейно: герой может оказаться не «подлецом», а вполне «хорошим человеком», и задача собравшихся «экспертов» — найти варианты решений «сложной жизненной ситуации»². Несмотря на постоянное перебивание, взаимные обвинения и то и дело льющиеся слезы, передача обычно заканчивается «хорошо»: все участники так или иначе друг друга услышали, герой получил дельные советы, напряжение нависшей над человеком тяжелой ситуации, как кажется, снято.

В начале 2010-х гг. исследователи российской медиасреды осторожно предсказывали будущее смешение публичных и частных форм коммуникации [Matza 2009; Лернер 2011]. Тереза Куан, посвятившая книгу семейным конфликтам в Китае, называет телевидение и популярные шоу, которые транслируют определенные паттерны семейной коммуникации, «моральной педагогией», во многом определившей взгляды «обычных» китайцев на семью и способы говорения о ней [Kuan 2015: 144]. Замечу, что Куан сделала такие выводы, наблюдая, помимо самих шоу, онлайн-обсуждения их выпусков. Опираясь на эти работы, я полагаю, что «Аноним 03» (и подобные ему паблики) — это и есть тот самый результат сочетания публичных и частных форм коммуникации, о которых говорят Юлия Лернер и Томас Матца, и влияния транслируемых через телевидение форм обсуждений житейских проблем. Впрочем, у меня нет оснований исключать возможность обратного процесса, как и перетекания семейных форм коммуникации в паблик³.

Долгое время наблюдая жизнь сообщества «Аноним 03» и познакомившись детальнее с программой «За гранью», я увидела у них много общего. Во-первых, трудно не заметить синонимичность в том, что в обоих случаях обсуждение превращается в зрелище, демонстрирующее «отклонения» от «обыденности». Каждый пост из раздела «крик души» открывает читателям непростую ситуацию одной семьи, схожую с той, что разбирается в одном выпуске телепередачи: острый конфликт, оказавшемуся

¹ 0 ток-шоу: <https://www.ntv.ru/peredacha/Za_granyu/about/89460/>.

² Так говорит ведущий в конце выпуска: <<https://www.ntv.ru/video/2136585/#ts=2961>>.

³ На идею двухстороннего процесса меня натолкнула статья Любови Чернышевой и Эльвиры Гизатуллиной, посвященная «гибридным» формам современного соседства — буквального и происходящего в соседских группах в «ВКонтакте» [Чернышева, Гизатуллина 2021].

в критической ситуации автору / герою срочно нужна помощь, публичная помощь. Те чувства, которые должны быть предметом личной сонастройки с особым «другим, который не является полностью другим» [Das 2015: 108], оказывались предметом коллективного обсуждения. Во-вторых, на обсуждение «приглашены» разные «эксперты», которые делятся своим мнением и пытаются докопаться до истины, стоящей за семейной трагедией. Упоминание «экспертов» здесь не только метафорическое. В ряде обсуждений под анонимными постами я встречала официальные ответы чиновников или представителей профессиональных сообществ (врачей, юристов), которые высказывались по собственной инициативе или были призваны другими комментаторами. И это само по себе любопытно: у представителей власти есть время обращать внимание на анонимные публикации в социальной сети и отвечать их авторам по делу. Задача «экспертов» в обоих случаях — «в прямом эфире» понять, где скрываются обман, ложь и низкие помыслы и как помочь тому, кто действительно пострадал.

Просматривая выпуски «За гранью», я встречалась с уже знакомыми мне фразами и мотивами: «суд божий тебя ждет», «они бумерангом получают то же самое», «у меня больше нет сестры», «не оставь меня без будущего»¹. А частым поводом для конфликтов оказывались привычные мне сюжеты — квартиры, наследство, забота или алкоголизм, а также невероятное количество родственников самой разной степени близости, с которыми приходилось иметь дело главному герою². Нельзя было не заметить, что участники паблика «Аноним 03» и программы «За гранью», описывая, как устроено общение внутри их семьи, использовали в общем одинаковые формулировки: «начинает истошно орать жуткими матами», «он никогда в принципе не разговаривал нормально», «орет, что я его третирую», «подруга умерла от онкологии, а дети даже не простились с ней, хотя один из них находился с матерью в одном доме в момент ее смерти», «устроил скандал» и пр.

Несмотря на схожие черты, я убеждена, что то, каким образом паблик «Аноним 03» организует площадку для дискуссии, сильно отличается и от телевизионного шоу, где зрители могут лишь наблюдать и соотносить свои представления с предлагаемыми семейными моделями [Kuan 2015: 140–144], и от онлайн-

¹ См., например, выпуск «Неблагодарный сын?»: <https://www.ntv.ru/peredacha/Za_granyu/m89640/o710259/video/>.

² См. выпуски «Кому квартиру сироты?»: <<https://rutube.ru/video/531aa48ef2b98b6e645edf9b8368b7c2/>>; «Бездомный для Краско»: <<https://rutube.ru/video/fe13ffbaefb02d7b283de2a62e4985e3/>>; «Отдам правнуков в добрые руки!»: <<https://rutube.ru/video/317f945ba1df6842962d56efb70c48d0/>> и др.

форумов. Форумы, благодаря более строгому модерированию, организованному силами отдельных проявивших инициативу пользователей, более стабильному составу участников и квази-анонимности¹, позволяют людям настраивать вполне личные и буквально родственные связи с другими [Berend 2016; Andreassen 2017], чего не происходит в сообществе «Аноним 03».

Помимо очевидных отличий, вроде анонимных и не вступающих в коммуникацию авторов, гораздо более грубых форм высказываний, нежели те, что допустимы на телеканалах и персонифицированных онлайн-площадках², есть и другие. Так, долгое наблюдение за жизнью этого сообщества позволило заметить, что возникающие под постами беседы спонтанны, недолговечны, цикличны и зачастую тавтологичны. Даже самые волнующие публику сюжеты оказываются погребены под новыми постами буквально за несколько дней и неизбежно забываются. С одной стороны, можно сказать, что сообщества в сети «ВКонтакте» ввиду своей хаотичности, «демократичности» и «нестабильности», как пишет Александра Касаткина [Касаткина 2017], в принципе не предполагают не только возможности, но и необходимости копаться в прошлых записях. С другой стороны, возобновляемость обсуждений в «Аноним 03», где один пост про свекровь ничем принципиально не отличается от другого, говорит о невозможности выработать «правильные» ответы раз и навсегда. И в то же время она свидетельствует о неутолимой жажде вуаеризма [Чернышева, Гизатуллина 2021: 56]³, которая открылась за счет бесконечного и ничем не контролируемого потока историй, пестрящих чересчур интимными деталями из частной жизни.

Что самое принципиальное, в отличие от телешоу и от модерированных форумов, ответственность за суждение в публице несут все, кто решает высказаться. Под оставленным постом важен каждый голос: любая опубликованная здесь история приобретает «верное» звучание только после того, как обрстет комментариями, — без них она не звучит, и непонятно, для чего она

---

¹ Несмотря на используемые на таких форумах выдуманные имена, их постоянные участники настолько хорошо знакомы, что нередко знают и настоящие имена друг друга [Berend 2016: 19].

² Анонимные сообщества «ВКонтакте» заметно отличаются от групп в других социальных сетях, где авторы легче идентифицируемы, агрессивней и количеством текстов откровенно жестокого содержания [Дорофеева 2018].

³ Любовь Чернышева и Эльвира Гизатуллина, пишущие о соседских VK-сообществах, заключают, что эти группы позволяют людям наблюдать жизнь своих соседей буквально и днем, и ночью, не становясь при этом участниками происходящих скандалов. Несмотря на применимость этого термина к моему материалу, не со всем можно согласиться: исследовательницы заключают, что за счет вуаеризма сообщества в какой-то мере воссоздают прозрачность «более тесных сообществ прошлого» [Чернышева, Гизатуллина 2021: 56], что совсем непредставимо для публика на 370 тыс. человек. И, вероятно, вуаеризм здесь имеет куда больше родства с чувствами зрителя телевизионного шоу.

была рассказана. Так проявляет себя то, что Сара Ахмед называет экономикой аффекта: чем больше аффекты циркулируют, тем более убедительными они становятся, тем четче оказываются очертания тех смыслов или «объектов», которые они производят [Ahmed 2004: 44–45].

Заключение

Признаться, когда я только начала работать с материалами паблика «Аноним 03», то все время задавалась вопросом: что такое случилось с семьей, что люди так пишут про родственников. Невозможное количество рутани, оскорблений, жестокости, которые обрушиваются на человека, решившего почитать анонимные посты и комментарии к ним, поражало (и продолжает поражать). Но это же вызывало искреннее любопытство: почему люди делают это изо дня в день? Зачем они читают сотни комментариев, зачем поддерживают огонь в дискуссиях о том, кто из них больший «моральный урод» и «тварь»? Как вообще кто-то решается писать такие интимные вещи, обрекая себя на шквал публичного порицания? Не могут же люди не видеть, что на страницах паблика стоит ожидать именно этого.

Отвечая на поставленный вопрос, я хочу вернуться к той самой истории про свекровь, с которой начала свое рассуждение, а точнее к последним ее строкам: «Вот так разрушилась моя семья. Хотя я всего лишь хочу облегчить жизнь себе и своим близким. Но муж считает, что он должен дохаживать мать и за*бать этим уходом всем вокруг. Больно и одиноко». Многих комментаторов возмутили именно эти слова, поскольку автор не желала связывать события своей жизни с собственным неверным, с точки зрения читателей, выбором, отказывалась видеть свой вклад в те несчастья, на которые сама себя обрекла. В ответ, помимо оскорблений, посыпались предложения провести разнообразные мысленные эксперименты: «[П]редставьте, что “слегла” ваша мама, как вы себя поведете?!»; «Представьте себя на месте этой свекрови. Хорошенько так постарайтесь представить. Больше воображения».

История про свекровь — далеко не исключительный случай. Многие примеры, которые я приводила выше, призывают читателей, пусть и не всегда эксплицитно, испытать свою позицию на прочность, чтобы убедиться именно в том, что она неверна. Иначе говоря, онлайн-паблик создает ситуацию коллективного принуждения «представить» последствия своего выбора, пережить вину за все совершенное и заодно в красочных деталях вообразить свое заслуженное трагическое будущее. Так, частное «мнение», которое каждый может высказать на стене сообщества, становится ощутимой и коллективно определяемой «спра-

ведливостью»: она буквально каждый раз создается как объект циркуляции мнений и аффектов [Ahmed 2004: 11–13] из беспорядка и неопределенности, которые люди переживают внутри «зараженных» и полных «призраков» семейных связей. Фантазия «обыденности» должна обрести вес и потенцию принуждать за счет многократного повторения, чтобы дать хотя бы временный (буквально однодневный), но уверенный ответ на вопрос, что должна представлять собой семья и кто вообще в нее входит.

Поэтому, как это ни парадоксально после всего сказанного, я предлагаю увидеть, что люди, представляющие на суд свои истории и оставляющие комментарии к ним, создают пространство, где появляется надежда (иногда весьма кровожадная и не знающая снисхождения). Надежда на то, что жестоко караются, с одной стороны, продуцирование хрупкости семейных связей¹, а с другой — производство социального неравенства и произвол в отношении совместно нажитой частной собственности. Здесь во всей полноте проявляют себя поколенческие различия комментаторов и героев историй, «зараженных» советским прошлым: вместо религиозных ценностей и «традиционный бурятскости», производством которых озабочены многообразные акторы в регионе, пользователи онлайн-сообщества куда более обеспокоены семейными бюджетами и готовы буквально выворачивать перед публикой карманы, доказывая родство или отказываясь от него.

Герои постов и авторы комментариев ежедневно имеют дело с анархией социальных связей, при которой нет возможности ни обрести действительно надежные отношения, ни обеспечить себе предсказуемое будущее. Сталкиваясь с этим в своем опыте и в опыте других, люди испытывают потребность в публичном обсуждении. Так они пытаются зацементировать некоторые свои представления и обрести надежду. И не столь важно, будет ли она основана на высшей силе, на вере в «узы по крови», в «правильное воспитание» или на персональной ответственности (которая в этом публице непопулярна). В этом плане глубина проявляющего себя публичного беспокойства выходит далеко за пределы «неблагодарности» близких родственников, почти не затрагивает тему «неблагодарного» или незаботливого государства, но касается «справедливого» миропорядка в целом. Собственно, безликий бумеранг, который обещает если не разрешить все проблемы, то хотя бы наказать виновных, оказывается главной действующей силой, главной фантазией, обыденность которой хотели бы утвердить многие участники сообщества, поскольку роль отдельного человека в установле-

---

¹ В этом смысле я вижу здесь некое преодоление той «заразности», о которой пишут Майнерт и Грэн.

нии порядка и поддержании своего (и семейного) благополучия, как им видится, ничтожно мала.

В конечном итоге этот паблик, несмотря на обилие ненависти и жестокости, изливающихся там ежедневно, оказывается особым пространством ситуативного и коллективного соприсутствия (*relatedness* иного рода), которое под каждым постом обещает утвердить справедливость и остановить движение тектонических моральных плит. Закончу разговор об этом сообществе цитатой из анонимного поста, в котором человек утверждает, что «анонимы» оказываются ближе «родственников».

Я хочу попроситься со всеми вами и с анонимом. Я читала здешние посты и спасалась от депрессии, тупого одиночества. Сегодня пришли результаты анализов, все очень хреново. Мне сказали, что максимум год еще. Я приняла решение не ждать больше, не мучится. <...> Спасибо всем, кто отвечал на мои посты и комментарии. Благодаря вам, мне удавалось отвлечься. Я забывала про реальность ненадолго, за это спасибо. Мне больше не кого поблагодарить. Мужа я благодарить не хочу.

Благодарности

Я благодарю анонимных рецензентов за ценные рекомендации, а также участников кружка «Аспирантский семинар» на факультете антропологии ЕУСПб и лично Екатерину Хониневу за внимательное чтение первой версии этой статьи и полезные советы.

Исследование выполнено при поддержке гранта Фонда социальных исследований «Хамовники» «Поддержание здоровья и благополучия в Бурятии и Иркутской области: поле альтернативных терапевтических услуг и юрисдикция специалистов» и гранта РФФИ № 20-09-00063А «Инвалидность как социокультурный феномен».

Источники

Смолянинов С. Дно рейтинга. Почему Улан-Удэ признали худшим городом России // Аригус. 2019, 27 нояб. <<https://arigus.tv/news/society/46962-dno-reytinga-pochemu-ulan-ude-priznali-khudshim-gorodom-rossii/>>.

Библиография

- Гарри И.Р. (отв. ред.). Буддизм в истории и культуре бурят. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014а. XIV+418 с.
- Гарри И.Р. Тибето-монгольский буддизм и национальная идентичность бурят // Гарри И.Р. (отв. ред.). Буддизм в истории и культуре бурят. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014б. С. 326–359.
- Дорофеева О.Е. Анон плз: анонимность и нормативность в публикациях о сексуальном насилии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 235–252. doi: 10.14515/monitoring.2018.1.12.

- Ионутите К.* «Без овечьей отары достойной жизни не будет»: установление границы религии в контексте социально вовлеченного буддизма в Бурятии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 106–122. doi: 10.22394/2073-7203-2020-38-1-106-122.
- Карбаинов Н.И.* Внутригородская жилищная мобильность жителей сквоттерских поселений («нахаловок») в постсоветском Улан-Удэ // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса: Мат-лы IX Социологических чтений памяти В.Б. Голофафта. СПб.: Норма, 2017. С. 199–206.
- Касаткина А.К.* «ВКонтакте» с историей: историческая культура соучастия в группе «Ретро Обнинск» // История: электронный научно-образовательный журнал. 2017. Т. 8. № 7(61). Б.п. [С. 1–16]. doi: 10.18254/S0001933-5-1. <<https://history.jes.su/s207987840001933-5-1/>>.
- Лернер Ю.* Теле-терапия без психологии, или как адаптируют Self на постсоветском телеэкране // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2011. № 1. С. 116–137.
- Хамфри К.* Постсоветские трансформации в азиатской части России: антропологические очерки = Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia: Anthropological Sketches / Пер. с англ. А. Космарского, Н. Космарской. М.: Наталис, 2010. 382 с.
- Чернова Ж.В.* Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 295–318.
- Чернышева Л., Гизатуллина Э.* «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2021. № 13(2). С. 39–71. doi: 10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71.
- Ahmed S.* The Cultural Politics of Emotion. N.Y.: Routledge, 2004. 224 p.
- Amogolonova D.D.* Buddhist Revival in the Context of Desecularization Processes in Russia (on Materials of Buryatia) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2014. Vol. 7. No. 7. P. 1165–1176.
- Andreassen R.* New Kinships, New Family Formations and Negotiations of Intimacy via Social Media Sites // Journal of Gender Studies. 2017. Vol. 26. No. 3. P. 361–371. doi: 10.1080/09589236.2017.1287683.
- Berend Z.* The Online World of Surrogacy. N.Y.: Berghahn Books, 2016. X+259 p.
- Carsten J.* (ed.). Cultures of Relatedness: New Approaches to the Study of Kinship. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. IX+228 p.
- Carsten J.* What Kinship Does — and How // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2013. Vol. 3. No. 2. P. 245–251. doi: 10.14318/hau3.2.013.
- Das V.* What Does Ordinary Ethics Look Like // Lambek M., Das V., Fassin D., Keane W. Four Lectures on Ethics: Anthropological Perspectives. Chicago, IL: Hau Books, 2015. P. 53–125.
- Han C.* Symptoms of Another Life: Time, Possibility, and Domestic Relations in Chile's Credit Economy // Cultural Anthropology. 2011. Vol. 26. No. 1. P. 7–32. doi: 10.1111/j.1548-1360.2010.01078.x.
- Harris S.E.* “We Too Want to Live in Normal Apartments”: Soviet Mass Housing and the Marginalization of the Elderly Under Khrushchev and

- Brezhnev // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2005. Vol. 32. No. 1. P. 143–174. doi: 10.1163/187633205X00041.
- Hutchinson S.E. Identity and Substance: The Broadening // Carsten J. (ed.). *Cultures of Relatedness: New Approaches to the Study of Kinship*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. С. 55–72.
- Kuan T. Love's Uncertainty: The Politics and Ethics of Child Rearing in Contemporary China. Oakland, CA: University of California Press, 2015. 272 p.
- Kuan T. The Problem of Moral Luck, Anthropologically Speaking // *Anthropological Theory*. 2017. Vol. 17. No. 1. P. 30–59. doi: 10.1177/1463499617698608.
- Kuan T. Feelings Run in the Family: Kin Therapeutics and the Configuration of Cause in China // *Ethnos*. 2020. Vol. 85. No. 4. P. 696–716. doi: 10.1080/00141844.2019.1634614.
- Leinaweaver J.B. Toward an Anthropology of Ingratitude: Notes from Andean Kinship // *Comparative Studies in Society and History*. 2013. Vol. 55. No. 3. P. 554–578. doi: 10.1017/S0010417513000248.
- Lerner J., Zbenovich C. Adapting the Therapeutic Discourse to Post-Soviet Media Culture: The Case of *Modnyi Prigovor* // *Slavic Review*. 2013. Vol. 72. No. 4. P. 828–849. doi: 10.5612/slavicreview.72.4.0828.
- Lidström M. “Just Because It’s Legal Doesn’t Make It Moral”: A Critical Discourse Analysis of Communication in the Anti-Abortionist Activism of Sidewalk Counseling in the United States: BA thesis / Stockholm University. Stockholm, 2020. 70 p. <http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:su:diva-189563>.
- Manzanova G. City of Migrants: Contemporary Ulan-Ude in the Context of Russian Migration // Alexander C., Buchli V., Humphrey C. (eds.). *Urban Life in Post-Soviet Asia*. L.: UCL Press, 2007. P. 125–135.
- Mattingly C. Hoping, Willing, and Narrative Re-Envisioning // *The Hedgehog Review*. 2006. Vol. 8. No. 3. P. 21–35.
- Matza T. Moscow's Echo: Technologies of the Self, Publics, and Politics on the Russian Talk Show // *Cultural Anthropology*. 2009. Vol. 24. No. 3. P. 489–522. doi: 10.1111/j.1548-1360.2009.01038.x.
- Matza T. The Will to What? Class, Time, and Re-Willing in Post-Soviet Russia // *Social Text*. 2014. Vol. 32. No. 3(120). P. 49–67. doi: 10.1215/01642472-2703851.
- Meinert L., Grøn L. “It Runs in the Family”. Exploring Contagious Kinship Connections // *Ethnos*. 2020. Vol. 85. No. 4. P. 581–594. doi: 10.1080/00141844.2019.1640759.
- Miller D. What Is a Relationship? Is Kinship Negotiated Experience? // *Ethnos*. 2007. Vol. 72. No. 4. P. 535–554. doi: 10.1080/00141840701768334.
- Quijada J.B., Graber K.E., Stephen E.M. Finding “Their Own”: Revitalizing Buryat Culture through Shamanic Practices in Ulan-Ude // *Problems of Post-Communism*. 2015. Vol. 62. No. 5. P. 258–272. doi: 10.1080/10758216.2015.1057040.
- Reyes A. Strategies of Legitimization in Political Discourse: From Words to Actions // *Discourse & Society*. 2011. Vol. 22. No. 6. P. 781–807. doi: 10.1177/0957926511419927.

- Salmenniemi S., Vorona M.* Reading Self-Help Literature in Russia: Governmentality, Psychology and Subjectivity // *The British Journal of Sociology*. 2014. Vol. 65. No. 1. P. 43–62. doi: 10.1111/1468-4446.12039.
- Strathern M.* *Reproducing the Future: Essays on Anthropology, Kinship and the New Reproductive Technologies*. Manchester: Manchester University Press, 1992. 224 p.
- Strathern M.* What Is a Parent? // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2011. Vol. 1. No. 1. P. 245–278. doi: 10.14318/hau1.1.011.
- Szmyt Z.* Urban Shamanism in Siberia: The Dialectic of Placemaking and Fieldwork // *Historia@Teoria*. 2017. Vol. 3. No. 5. P. 85–126. doi: 10.14746/ht.2017.5.3.07.

The Troublesome Kinship, or, How Are Family Tragedies Discussed in an Anonymous Online Community

Anna Altukhova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
aaltukhova@eu.spb.ru

This paper focuses on public debates about kinship and family ties in the online group “Anonim 03”—the Buryat online community on the social network “VKontakte”. It explores why some people want to “air their dirty laundry”, telling strangers stories about intimate details of their family lives and breakdowns of mutual care, and why others willingly participate in these discussions. This article attempts to trace not only the terms in which connections between different people of kin are defined today, but also to unravel the mechanisms and global principles that, according to the participants of this community, dictate the life of a person who has a family. Observing only the presentation of family in the anonymous stories, this article argues that it is nevertheless possible to trace the circulation of the so-called “substances of kinship” according to Sharon Hutchinson—and simultaneously the circulation of affects, as Sarah Ahmed suggests—to see what new objects are born out of this discussion. Although debates in “Anonim 03” often resemble a TV show where participants try to hurt each other, I want to argue that these debates are a much more serious process than just entertainment. I suggest that they constitute a space for ethical reasoning and fixing moral norms of kinship relations, if for a very short period.

Keywords: family, kinship, morality, emotions, online community, boomerang, Buryatia.

Acknowledgments

I would like to thank the anonymous reviewers for their valuable recommendations, as well as the members of the “Postgraduate Seminar” circle at the EUSP Department of Anthropology, and personally Ekaterina Khonineva for the careful reading of the first version of this article and useful advice.

The study was supported by the Khamovniki Social Research Foundation, the grant “Maintaining Health and Well-Being in Buryatia and the Irkutsk Region: The Field of Alternative Therapeutic Services and the Jurisdiction of Specialists” and RFBR grant no. 20-09-00063A “Disability as a Sociocultural Phenomenon”.

References

- Ahmed S., *The Cultural Politics of Emotion*. New York: Routledge, 2004, 224 pp.
- Amogolonova D. D., ‘Buddhist Revival in the Context of Desecularization Processes in Russia (on Materials of Buryatia)’, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2014, vol. 7, no. 7, pp. 1165–1176.
- Andreassen R., ‘New Kinships, New Family Formations and Negotiations of Intimacy via Social Media Sites’, *Journal of Gender Studies*, 2017, vol. 26, no. 3, pp. 361–371. doi: 10.1080/09589236.2017.1287683.
- Berend Z., *The Online World of Surrogacy*. New York: Berghahn Books, 2016, X+259 pp.
- Carsten J. (ed.), *Cultures of Relatedness: New Approaches to the Study of Kinship*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, IX+228 pp.
- Carsten J., ‘What Kinship Does — and How’, *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2013, vol. 3, no. 2, pp. 245–251. doi: 10.14318/hau3.2.013.
- Chernova Zh. V., ‘Kto, o kom i na kakikh usloviyakh dolzhen zabotitsya? Gendernyy analiz rezhimov zaboty i semeynoy politiki’ [Who Should Care for Whom and under Which Conditions? Gender Analysis of Care Regimes and Family Policy], *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, 2011, vol. 9, no. 3, pp. 295–318. (In Russian).
- Chernysheva L., Gizatullina E., “VKontakte” s sosedyami: cherty i praktiki gibridnogo soseystvovaniya v bolshom zhilom komplekse Sankt-Peterburga’ [VKontakte and the Neighbors: Features and Practices of Hybrid Neighboring in a Large Housing Estate in Saint Petersburg, Russia], *Laboratorium: zhurnal sotsialnykh issledovaniy*, 2021, no. 13(2), pp. 39–71. doi: 10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71. (In Russian).
- Das V., ‘What Does Ordinary Ethics Look Like’, Lambek M., Das V., Fassin D., Keane W., *Four Lectures on Ethics: Anthropological Perspectives*. Chicago, IL: Hau Books, 2015, pp. 53–125.
- Dorofeeva O. E., ‘Anon pls: anonimnost i normativnost v publikatsiyakh o seksualnom nasilii’ [Anon pls: Anonymity and Normativity in Sexual Abuse Posts], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, 2018, no. 1, pp. 235–252. doi: 10.14515/monitoring.2018.1.12. (In Russian).
- Garri I. R. (ed.), *Buddizm v istorii i kulture buryat* [Buddhism in the History and Culture of the Buryats]. Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom, 2014, XIV+418 pp. (In Russian).

- Garri I. R., ‘Tibeto-mongolskiy buddizm i natsionalnaya identichnost buryat’ [Tibeto-Mongolian Buddhism and the National Identity of the Buryats], Garri I. R. (ed.), *Buddizm v istorii i kulture buryat* [Buddhism in the History and Culture of the Buryats]. Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom, 2014, pp. 326–359. (In Russian).
- Han C., ‘Symptoms of Another Life: Time, Possibility, and Domestic Relations in Chile’s Credit Economy’, *Cultural Anthropology*, 2011, vol. 26, no. 1, pp. 7–32. doi: 10.1111/j.1548-1360.2010.01078.x.
- Harris S. E., “‘We Too Want to Live in Normal Apartments’: Soviet Mass Housing and the Marginalization of the Elderly Under Khrushchev and Brezhnev”, *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2005, vol. 32, no. 1, pp. 143–174. doi: 10.1163/187633205X00041.
- Humphrey C., *Postsovetskie transformatsii v aziatskoy chasti Rossii: antropologicheskie ocherki = Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia: Anthropological Sketches*, transl. from English by A. Kosmarsky, N. Kosmarskaya. Moscow: Natalis, 2010, 382 pp. (In Russian).
- Hutchinson S. E., ‘Identity and Substance: The Broadening’, Carsten J. (ed.), *Cultures of Relatedness: New Approaches to the Study of Kinship*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, pp. 55–72.
- Jonutytė K., “‘Bez ovechey otary dostoynoy zhizni ne budet’: ustanovlenie granitsy religii v kontekste sotsialno вовлечennogo buddizma v Buryatii’ [“There Will Not Be a Dignified Life Without a Flock of Sheep”]: Negotiating Religion in the Context of Socially Engaged Buddhism in Buryatia], *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*, 2020, no. 1, pp. 106–122. doi: 10.22394/2073-7203-2020-38-1-106-122. (In Russian).
- Karbainov N. I., ‘Vnutrigorodskaya zhilishchnaya mobilnost zhitel’ skvotterskikh poseleniy (“nakhalovok”) v postsovetskom Ulan-Ude’ [Intracity Housing Mobility of Residents of Squatter Settlements (“Nakhalovkas”) in Post-Soviet Ulan-Ude], *Sotsialnye i prostranstvennye izmereniya sovremennogo megapolisa* [Social and Spatial Dimensions of the Modern Megapolis]: Materials of the 9th Sociological readings in memory of V. B. Golofast. St Petersburg: Norma, 2017, pp. 199–206. (In Russian).
- Kasatkina A., “‘VKontakte” s istoriey: istoricheskaya kultura souchastiya v grupe “Retro Obninsk” [Contacting History in the “VKontakte”: Participatory Historical Culture in the Social Networking Group “Retro Obninsk”], *Istoriya: elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal*, 2017, vol. 8, no. 7(61), s. pag. [pp. 1–16]. doi: 10.18254/S0001933-5-1. <<https://history.jes.su/s207987840001933-5-1/>>. (In Russian).
- Kuan T., *Love’s Uncertainty: The Politics and Ethics of Child Rearing in Contemporary China*. Oakland, CA: University of California Press, 2015, 272 pp.
- Kuan T., ‘The Problem of Moral Luck, Anthropologically Speaking’, *Anthropological Theory*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 30–59. doi: 10.1177/1463499617698608.
- Kuan T., ‘Feelings Run in the Family: Kin Therapeutics and the Configuration of Cause in China’, *Ethnos*, 2020, vol. 85, no. 4, pp. 696–716. doi: 10.1080/00141844.2019.1634614.

- Leinaweaver J. B., 'Toward an Anthropology of Ingratitude: Notes from Andean Kinship', *Comparative Studies in Society and History*, 2013, vol. 55, no. 3, pp. 554–578. doi: 10.1017/S0010417513000248.
- Lerner J., 'Tele-terapiya bez psikhologii, ili kak adaptiruyut Self na postsovetском телекране' [TV Therapy Without Psychology: Adapting the Self in Post-Soviet Media], *Laboratorium: zhurnal sotsialnykh issledovaniy*, 2011, no. 1, pp. 116–137. (In Russian).
- Lerner J., Zbenovich C., 'Adapting the Therapeutic Discourse to Post-Soviet Media Culture: The Case of *Modnyi Prigovor*', *Slavic Review*, 2013, vol. 72, no. 4, pp. 828–849. doi: 10.5612/slavicreview.72.4.0828.
- Lidström M., "Just Because It's Legal Doesn't Make It Moral": A Critical Discourse Analysis of Communication in the Anti-Abortionist Activism of Sidewalk Counseling in the United States: BA thesis / Stockholm University. Stockholm, 2020. 70 p. <<http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:su:diva-189563>>.
- Manzanova G., 'City of Migrants: Contemporary Ulan-Ude in the Context of Russian Migration', Alexander C., Buchli V., Humphrey C. (eds.), *Urban Life in Post-Soviet Asia*. London: UCL Press, 2007, pp. 125–135.
- Mattingly C., 'Hoping, Willing, and Narrative Re-Envisioning', *The Hedgehog Review*, 2006, vol. 8, no. 3, pp. 21–35.
- Matza T., 'Moscow's Echo: Technologies of the Self, Publics, and Politics on the Russian Talk Show', *Cultural Anthropology*, 2009, vol. 24, no. 3, pp. 489–522. doi: 10.1111/j.1548-1360.2009.01038.x.
- Matza T., 'The Will to What? Class, Time, and Re-Willing in Post-Soviet Russia', *Social Text*, 2014, vol. 32, no. 3(120), pp. 49–67. doi: 10.1215/01642472-2703851.
- Meinert L., Grøn L., "It Runs in the Family". Exploring Contagious Kinship Connections', *Ethnos*, 2020, vol. 85, no. 4, pp. 581–594. doi: 10.1080/00141844.2019.1640759.
- Miller D., 'What Is a Relationship? Is Kinship Negotiated Experience?', *Ethnos*, 2007, vol. 72, no. 4, pp. 535–554. doi: 10.1080/00141840701768334.
- Quijada J. B., Graber K. E., Stephen E. M., 'Finding "Their Own": Revitalizing Buryat Culture through Shamanic Practices in Ulan-Ude', *Problems of Post-Communism*, 2015, vol. 62, no. 5, pp. 258–272. doi: 10.1080/10758216.2015.1057040.
- Reyes A., 'Strategies of Legitimization in Political Discourse: From Words to Actions', *Discourse & Society*, 2011, vol. 22, no. 6, pp. 781–807. doi: 10.1177/0957926511419927.
- Salmenniemi S., Vorona M., 'Reading Self-Help Literature in Russia: Governmentality, Psychology and Subjectivity', *The British Journal of Sociology*, 2014, vol. 65, no. 1, pp. 43–62. doi: 10.1111/1468-4446.12039.
- Strathern M., *Reproducing the Future: Essays on Anthropology, Kinship and the New Reproductive Technologies*. Manchester: Manchester University Press, 1992, 224 pp.
- Strathern M. 'What Is a Parent?', *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2011, vol. 1, no. 1, pp. 245–278. doi: 10.14318/hau1.1.011.
- Szmyt Z., 'Urban Shamanism in Siberia: The Dialectic of Placemaking and Fieldwork', *Historia@Teoria*, 2017, vol. 3, no. 5, pp. 85–126. doi: 10.14746/ht.2017.5.3.07.